

Т. С. МЕНЬЩИКОВА
(Москва)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ОБРЯДА ОПАХИВАНИЯ В ПОВЕСТИ А. С. СУВОРИНА «АЛЕНКА»

Аннотация. В статье анализируется изображение обряда опахивания в повести А. С. Суворина «Аленка». Знание народной жизни помогло автору воспроизвести этнографически точную зарисовку обряда.

Ключевые слова: А. С. Суворин, народный быт, крестьянский обрядовый фольклор, обряд опахивания, заговор.

В повести А. С. Суворина (1834—1912) «Аленка», появившейся на страницах журнала «Отечественные записки» в июле-августе 1863 г., отразились два взаимосвязанных явления культурной жизни российского общества 1860—1870-х гг.

Во-первых, в это время появляются многочисленные публицистические и литературные произведения о деревне, главными героями которых становятся крестьяне. Темы положения крестьянства и переустройства народной жизни в виду реформ 1860-х гг. стали самыми обсуждаемыми. «Представители всех общественных групп эпохи постоянно имели в виду народ, крестьянскую в основном массу», — пишет Б. Ф. Егоров [Егоров 2009, 303—304]. Во-вторых, 1860—70-е гг. стали для русской фольклористики периодом расцвета собирательской деятельности. Расцвет, которому во многом способствовал возросший интерес образованных сословий к народу и его самобытной культуре, сопровождался появлением ценнейших публикаций, сборников и исследований, в том числе трехтомного исследования А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865—1869), где он изложил практически все известное о верованиях и обрядах восточных славян. В частности, А. Н. Афанасьев описал и обряд опахивания, к которому «прибегают крестьяне во время повальных болезней (наприм., холеры) и чумы домашнего скота» [Афанасьев 1865, 565]. Этот

обряд свидетельствует о «сбое в ритме социальной жизни» деревни [Байбурин 1993, 18]. Э. В. Померанцева отметила, что из известных многочисленных описаний опахивания самое раннее относится к 1810 г., а в общем корпусе материалов, которые хранятся в Русском географическом обществе, преобладают описания середины XIX в. Они свидетельствуют о том, что основные черты обряда не варьировались [Померанцева 1982, 27—28]. Однако А. Н. Афанасьев не только описал основные черты обряда опахивания, но и указал на особенности вариантов его проведения среди крестьян различных губерний. Так, в Волынской губернии для проведения борозды вокруг села в плуг впрягают двух волов, а в Курской и Орловской губерниях по проведенной борозде рассыпают песок. «В Воронежской губернии, — отметил А. Н. Афанасьев, выросший в этих краях, — женское население выбирает из себя девять девиц, известных своим незазорным поведением, трех вдов, отличающихся толщиной, и одну беременную женщину; в полночь избранных девок впрягают в соху — они бьются в белых сорочках, с распущенными косами; ходом сохи управляют вдовы, а впереди идет беременная баба с образом Божьей Матери; все сборище поет:

Выйди вон, выйди вон
Из села, из села!
Мы идем, мы идем
Девять девок, три вдовы
Со ладоном, со свечами,
С Божьей Матерью!»
[Афанасьев 1865, 567]

Однако за два года до выхода из печати исследования А. Н. Афанасьева обряд опахивания в Воронежской губернии изобразил в своей повести «Аленка» А. С. Суворин. Суворинское описание опахивания подробнее и в некоторых деталях отличается от описания обряда в «Поэтических воззрениях славян на природу», поэтому, хотя и является условно-фольклорным текстом, представляет интерес для исследования.

А. С. Суворин, как и А. Н. Афанасьев, провел детство в Воронежской губернии, и уже тогда мог наблюдать обряд опахивания или слышать о нем. Родился Суворин в семье крестьянина-однодворца села Коршево Бобровского

уезда Воронежской губернии. Отец его по набору пошел в солдаты, участвовал в Бородинском сражении, был произведен в офицеры и в 48 лет вышел в отставку в чине капитана, что давало в те годы потомственное дворянство. Однако жизнь Сувориных мало чем отличалась от крестьянской. «Дом наш состоял из избы, сенец и “горницы” <...> Наши товарищи с братом, — вспоминал впоследствии А. С. Суворин, — были деревенские мальчишки, с которыми мы играли, вили кнуты, пускали змея, ходили купаться в Битюк <...> Я воспитался, так сказать, на лоне природы, на живописной реке, противоположный берег которой на десятки верст покрыт был столетними дубами и соснами» [Дневник 1999, 85–86]. Таким образом, будущий писатель и журналист А. С. Суворин с детства был погружен в мир крестьянского фольклора, наблюдал годовой цикл календарных обрядов, которые затем органично вошли в его творчество. Изображение крестьянского быта, фольклорные мотивы и образы можно наблюдать в рассказах А. С. Суворина «Гарибальди», «Черничка», «Светлый праздник», «Государыня Масленица», «Солдат и Солдатка». Последним произведением, вобравшим в себя детские и юношеские впечатления А. С. Суворина о жизни среди крестьян, стала повесть «Аленка». В письме к М. Ф. Де-Пуле Суворин заметил об этой повести: «Я жил прошлым, я выложил весь запас наблюдений, который у меня оставался» [Суворин 1981, 181].

Композиция «Аленки» представляет собой ряд глав, каждая из которых — зарисовка, изображение отдельной стороны народного быта. Неслучайно автор выбрал жанровое определение для своего произведения «Картинки народной жизни». Объединяются «картинки» общим сюжетом, историей главной героини, крестьянской девушки Аленки. В шестой и седьмой главах повести А. С. Суворин показал, как в деревне, где начался падеж скота, происходил обряд опахивания, в котором участвовали все крестьянки, в том числе и Аленка.

Изображение обряда опахивания в повести можно условно разделить на три части: стовор, подготовка и проведение обряда. Решение о необходимости «опахивания» представлено в виде диалога,

где с одной стороны выступает женский хор голосов, а с другой им отвечают мужские голоса, также слитые в общей реплике. Затем А. С. Суворин показывает собрание женщин у «знахарки всех суеверных обрядов» [Суворин 1863, 20], жившей в конце деревни, одинокой вдовы Степановны, которая рассказывает, как выжить «коровью смерть»: «Всех девок сгоните, всех, махоньких тоже заберите с собой. Поболе знаешь шуму-то, да стукотни-то. Шуму-то боится она, треклятая. Мать Пресвятая Богородица, наша заступница, моли Бога о нас! Икону-то ея, матушки нашей, не забудьте. Лица-то ея святого боится смерть и дыма кадильного пужается. Глядите, чтоб соборных не было. <...> Никто тут маслом не соборовался?» [Суворин 1863, 22]. Уже на этапе подготовки видно, какую смесь языческих ритуалов и христианской веры представлял собой обряд. Затем женщины помолились, положили по три земных поклона, и Степановна распределила «роли» в предстоящем действе: «Все слушали со вниманием и тихо разошлись, словно каждая сознавала ту высокую обязанность, которую завтра должна была исполнить» [Суворин 1863, 22].

Автор повести красочно описывает проведение обряда, отмечая малейшие детали. На фоне «дымчатого покрывала» ночи «с золотыми блестками», между господским садом и стеной ржи блестят огни, несется «пронзительный крик, и хлопанье кнута <...> То опахивают коровью смерть» [Суворин 1863, 25]. Впереди процессии идут три вдовы: у одной в руках образ Богородицы в медной ризе, другая несет свечи, третья запряжена в соху. Две девушки, одна из которых Аленка, держат рогатки сохи и помогают вдове проводить глубокую борозду: «И верят, бедные, что за эту грань, проведенную страстной верой, не перейдет уже смерть и не вырвет безжалостно, не посмеет вырвать последнего подспорья нищенского существования» [Суворин 1863, 26]. Следом за сохой на помеле едет баба, а за ней остальные девки и бабы со свечами, пучками соломы, косами, серпами, кочергами, все с распущенными волосами, с обнаженной грудью, в белых рубашках, спущенных до пояса. «Все это движется, все кричит и стучит, и хлопает, и хаосом

звук наполняет ночной воздух» [Суворин 1863, 26]. Затем процессия останавливается, разжигается костер, через который прыгают девушки и женщины, после чего они продолжают движение.

Итак, в описаниях фольклориста и писателя заметны незначительные различия и уточнения деталей обряда. А. С. Суворин также приводит заклинательную песню, которую использовали воронежские крестьянки:

«Выйди вон, выйди вон
Из подклета, из села.
Мы идем, мы идем
Девять девок, три вдовы
Со ладоном, со свечами,
Со горячей, со золой
Мы огнем тебя сождем,
Кочергой загребем,
Помелом заметем,
Попелом забудем...
Выйди вон, выйди вон!..»
[Суворин 1863, 26]

Кроме наличия общих фольклорных формул («Выйди вон, выйди вон», «девять девок, три вдовы», «со ладоном, со свечами») есть и различия: у А. Н. Афанасьева приводится молитвенное заключение («С Божьей Матерью!»), а у А. С. Сувориной более развернутая эпическая часть с описанием действительных и символических обрядовых действий и концовка, повторяющая вступительное пожелание («Выйди вон»). Хотя в народе существовало поверье, что текст заклинательных песен менять нельзя, однако, как и любое фольклорное явление, они были подвержены вариативности. Разночтения могут объясняться как ошибкой памяти, привнесением вымысла в текст обрядовой песни непрофессиональным фольклористом А. С. Сувориным, так и возможными разночтениями в исполнении, существовавшими среди крестьян одной губернии.

А. С. Суворин высказался об обряде «опахивания» как о «дикой, страшнотанастической процессии» [Суворин 1863, 28]. Когда женщины заметили во ржи случайного наблюдателя, они закричали «Смерть во ржи!» и бросились на него. Аленке чудом удалось спасти любопытного, вовремя повалив его наземь: «Дикие звуки раздались в воздухе, целый хаос безобразных, пронзительных звуков, в которых трудно было узнать человеческое слово...»

[Суворин 1863, 28]. Так автор показал страшную, далекую от поэтизации стору обряда. По замечанию Л. С. Белогриц-Котляревского, «истребление животных и избиение людей, встречающихся на пути во время совершения обряда опаживания, находит свое объяснение в тех же жертвоприношениях, в связи с народным поверьем в оборотней, в которые превращается смерть, принимающая вид животных или людей» [Белогриц-Котляревский 1888, 109]. Вмешательство Аленки в ход обряда и спасение барина, не знавшего о последствиях своего появления на пути процессии, является важной деталью в характеристике образа главной героини, крепостной девушки Аленки.

События в повести происходили накануне крестьянских реформ, когда в народе уже ходили слухи об отмене крепостного права. Однако деревня жила еще старым, патриархальным укладом, а среди крестьян самыми бесправными были девушки, над которыми сначала властвовали родители, а после брака — муж. Кроме того, существовало и сословное разделение. Например, когда барыня Аленки узнавала, что какие-нибудь парень с девушкой были близки до свадьбы, она из самодурства разлучала их: девушку выдавала замуж за вдовца, а парня женила на вдове. Однако важно, что Аленка, в отличие от остальных крестьян, уже не желала мириться с этим: «Страшным гневом загоралась обыкновенно Аленка, слыша такие рассказы, и готова была идти к барыне и выгвоздить ей всю бесчеловечность такого поступка, и разругать на чем свет стоит, — пишет А. С. Суворин, и тут же добавляет, показывая «борьбу старого и нового», патриархального уклада и «новой жизни», — она бы и пошла когда-нибудь, да отец ее удерживал, а мать обещалась изволочить, выдрать как сидорову козу» [Суворин 1863, 7—8]. Таким образом, хотя участие Аленки в опаживании в начале повести подтверждает, что она еще принадлежит деревне с ее старым укладом, в котором из поколения в поколение передавались древние языческие верования и обряды, она уже чувствует веяние перемен и готова идти им навстречу. Аленка, единственная, не поддалась полудикой атмосфере древнего обряда, и, рискуя жизнью, спасла

человека, вместо того, чтобы с толпой женщин броситься на него и убить.

Итак, А. С. Суворин в своей повести не только изобразил обряд опахивания, но и показал его подготовку, а также возможные последствия постороннего вмешательства. Знание народной жизни, в частности, крестьянского обрядового фольклора, помогло автору достоверно и красочно раскрыть некоторые его явления в своей повести. А. С. Суворину удалось органично ввести описание обряда в художественную систему повести таким образом, что оно выполняет характерологическую функцию: именно поведение Аленки во время опахивания обнаружило важные для понимания ее образа и всего произведения детали. Повесть «Аленка» стала не только литературным произведением, но и ценным сводом этнографических наблюдений А. С. Суворина.

Литература

Афанасьев 1865 — *Афанасьев А. Н.* Этические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 1. М., 1865.

Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Белогриц-Котляревский 1888 — *Белогриц-Котляревский Л. С.* Мифологическое значение некоторых преступлений, совершенных по суеверию // Исторический вестник. 1888. № 7. С. 105—115.

Дневник 1999 — *Дневник Алексея Сергеевича Суворина.* London; М., 1999.

Егоров 2009 — *Егоров Б. Ф.* Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. М., 2009.

Померанцева 1982 — *Померанцева Э. В.* Роль слова в обряде опахивания // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 25—36.

Суворин 1863 — *Суворин А. С.* Аленка // Отечественные записки. 1863, июль.

Суворин 1981 — *Суворин А. С.* Письма к М. Ф. Де-Пуле // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1979 год. Л., 1981.

Summary. *In the article the description of ploughing rite in A. S. Suvorin's story "Alenka" are analyzed. Knowledge of folk life had helped the author to present ethnographically true description of the rite.*

Key words: *A. S. Suvorin, folk life, peasant ritual folklore, ploughing rite, charm.*

М. Ю. НИКИШИНА
(Москва)

ОБРАЗ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ В РОМАНЕ В. М. ДОРОШЕВИЧА «МУ-СЯН»

Аннотация. *В статье анализируется образ Китая в романе В. М. Дорошевича «Му-Сян» (1903), нравы, обычаи и быт традиционного китайского общества. Писатель показывает столкновение двух разных цивилизаций, двух моделей поведения, традиционной китайской и западной, невозможность проникновения европейской культуры в жизнь старого Китая, используя прием моделирования некоторых китайских обычаев, не существовавших в реальности, на основе общих представлений о китайской культуре в России начала XX столетия.*

Ключевые слова: *В. М. Дорошевич, образ Китая в русской литературе, культура и быт традиционного китайского общества.*

Китай, с которым Россия имеет са-
мую протяженную границу, всегда
вызывал огромный интерес у русского
человека. Изучение Китая, его обыча-
ев и традиций в разные периоды нашей
истории имело свои особенности, и
путешественники, исследователи, мис-
сионеры, журналисты, государственные
деятели России сделали чрезвычайно
много в формировании представлений
об этой стране. Большая роль в этом
принадлежит и литераторам, хотя образ
Китая в русской массовой художествен-
ной литературе изучен слабо.

Первое знакомство русских с Кита-
ем произошло во времена татаро-мон-
гольских завоеваний, когда потомки
Чингисхана создали единое культур-
но-политическое пространство, кото-
рое растянулось от Тихого океана до
берегов Дуная. Известно, что монголы
во время правления династии Юань
привозили русских пленников в Пекин
[Воскресенский 1999, 162]. Но эти пер-
вые «контакты» между Русью и Подне-
бесной не могли получить какого-либо
развития.

В XVII в., когда началось активное
освоение русскими Сибири и Дальнего
Востока, сферы влияния России и Ки-
тая пересеклись Забайкалье и Приаму-